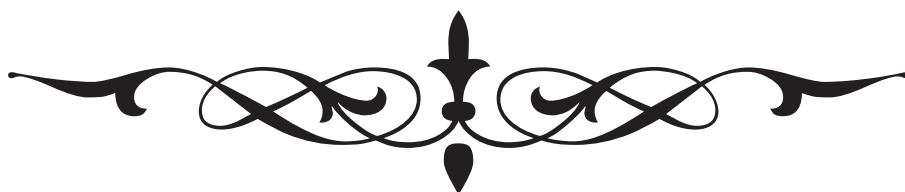

ЭДВАРД РАДЗИНСКИЙ

ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р15

Художественное оформление серии Виктории Лебедевой

В настоящем издании в качестве иллюстрированных цитат к текстовому материалу используются фоторепродукции произведений искусства, находящихся в общественном достоянии.

Радзинский, Эдвард Станиславович.

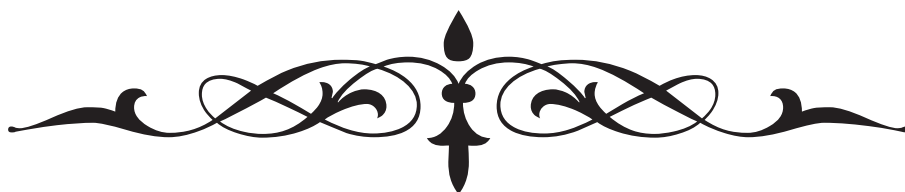
Р15 История династии Романовых/ Э.С. Радзинский. — Москва: АСТ, 2018. — 608 с. : ил. — (Большая книга истории и искусства).
ISBN 978-5-17-107054-0

И опять мерещится все та же ночь — финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика...

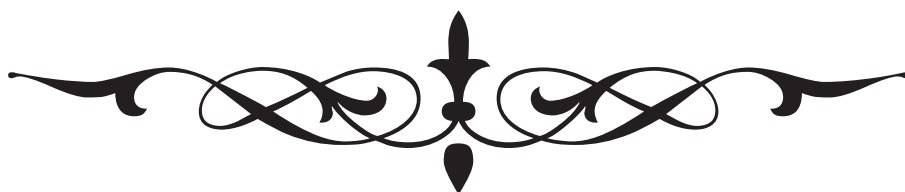
Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородатого мужика, который столько сделал для того, чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

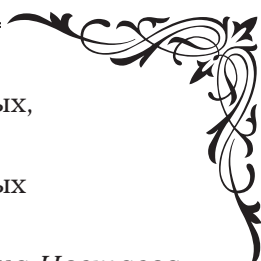
УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107054-0

КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

Слава прабабушек томных,
Домики старой Москвы,
Из переулочков скромных
Все исчезаете вы.

Марина Цветаева

Домики старой Москвы

Они прячутся в старых, кривых московских переулках. И там, величественные и жалкие, как состарившийся Казанова, греют на солнце свои колонны — облупившиеся белые колонны московских дворцов XVIII века... Зажатые между огромными домами, они выплывают из времени. Миражи. Сны наяву.

Ах, эти дома желтой охры... античный фриз на фронтоне — гирлянды, веночки, летящие гении, за толстыми стенами — прохладная темнота зала... полукруглые печи, чудом сохранившийся расписной потолок... и вековые деревья за оградой.

В дни молодости моей довелось мне жить в таком доме. И в долгие

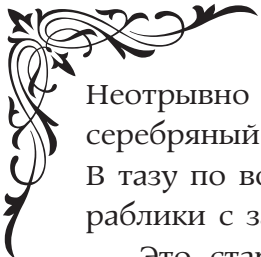
зимние вечера, когда так чудно падает снег и странно светят фонари, я любил сидеть в своем доме... Осторожно ставил я на стол тот шандал...

Как он попал ко мне?... Как уцелел после всех пожаров, войн, революций и отчаянных скитаний несчастной семьи? Когда-нибудь я расскажу и эту историю... когда-нибудь...

Старинный бронзовый шандал со свечой, загороженный маленьким белым экраном в бронзовой рамке, поставлен на столе.

Я погасил электрический свет, зажег свечу — и побежали по потолку, по стенам зала торопливые тени.

И проступило изображение на экране: у горящего камина на фоне высокого окна сидит молодая красавица.

Неотрывно глядит она в небольшой серебряный таз, стоящий у ее ног. В тазу по воде плавают крохотные кораблики с зажженными свечами.

Это старинное венецианское гадание. В тот день она решила узнать свою судьбу. О, если бы она ее узнала!

Как я любил разглядывать ее лицо на старинном экране! Томно склонив головку с распущенными волосами, она глядит в серебряную воду. И плавают, плавают свечи на крохотных корабликах. И колеблется неверное пламя.

В эту женщину были влюблены самые блестящие люди века. Ее красоте завидовала Мария Антуанетта. И мечтательный гетман Огинский, и властительный немецкий государь князь Лимбург были у ее ног. Ей объяснялся в любви самый блестящий донжуан Франции — принц Лозен. И граф Алек-

сей Орлов, самый блестящий донжуан России...

Тогда, в том доме, я собирал по крохам все, что осталось о ней.

И, читая полуистлевшие письма истлевших ее любовников, я шептал вслед за ними безумные слова: «Ваши глаза — центр мироздания...», «Ваши губы — моя религия...», «Ваши руки подобны плющу нежности...» Уходят наши тела... Но страсть и любовь остаются.

И все чаще стало мерещиться мне...

Исчезал московский домик, пропал, тонул в снежной метели.

И видение Санкт-Петербурга: белая петербургская ночь, безжалостный золотой шпиль крепости. И кронштадтский рейд. И силуэты фрегатов в белой ночи.

Самое неправдоподобное в этой истории — что это правда.

Джакомо Казанова

Кто не жил в XVIII веке — тот вообще не жил.

Талейран

Несколько точных дат

В конце мая 1775 года пришла в Кронштадт из Средиземного моря русская военная эскадра. И хотя люди давно не были дома, никому не было дозволено ступить на берег.

Из именного указа императрицы Екатерины Второй генерал-губернатору Санкт-Петербурга князю Александру Михайловичу Голицыну:

«Князь Александр Михайлович! Контр-адмирал Грейг, прибывший с эскадрой с ливорнского рейда, имеет на корабле своем под караулом ту женщину. Контр-адмиралу приказано без именного указа никому ее не отдавать. Моя воля: чтобы вы... »

24 мая 1775 года.

Была ночь, но во дворце генерал-губернатора Санкт-Петербурга князя

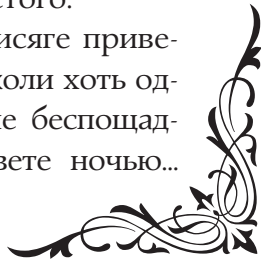
Голицына не спали. Князь Александр Михайлович, грузный шестидесятилетний старик, сидел в своем кабинете. Перед ним навывтяжку стоял молоденький офицерик — капитан Преображенского полка Александр Матвеевич Толстой.

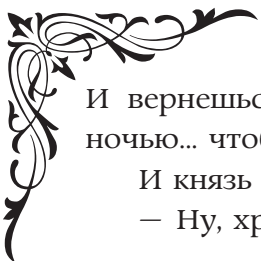
Тучный князь тяжело поднялся с кресел, пошел к дверям. Распахнул двери: в маленькой комнате, у аналоя с крестом и Евангелием ждал священник в полном облачении.

— Прими присягу, Александр Матвеевич, — обратился князь к капитану.

— Клянусь молчать вечно о том, что надлежит мне увидеть и исполнить... — звучал в тишине голос Толстого.

— И людей своих к присяге приведешь. И растолкуй им, что коли хоть одна душа узнает — наказание беспощадное... В Кронштадт поплывете ночью...

И вернешься с нею в крепость тоже ночью... чтоб ни одна душа...

И князь обнял капитана:

— Ну, храни тебя Бог!

В ночь с 24-го на 25 мая 1775 года.

Яхта с капитаном Толстым и шестью преображенцами с потушенными огнями плыла из Петербурга в Кронштадт. На берегу и на судах, мирно качавшихся на якорях в устье Невы, давно спали.

Глубокой ночью подплыли к Кронштадту. Неслышно скользила яхта по военному рейду.

«Святослав»... «Африка»... «Не тронь меня»... «Европа»... «Саратов»... «Гром»... Стояли на рейде в ночи линейные корабли и фрегаты, залитые призрачным светом.

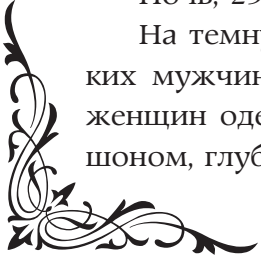
У шестидесятипушечного адмиральского судна «Три иерарха» яхта замедлила ход.

В каюте капитана Толстого уже ждал контр-адмирал Самуэль Карлович Грейг.

— Весь завтрашний день, капитан, вы и ваши люди проведете в каютах. — Грейг говорил пофранцузски: он был не так давно на русской службе и плохо владел русским. — Ни с кем из корабельной команды не видется и не разговаривать... И только когда на корабле отойдут ко сну...

Ночь, 25 мая 1775 года.

На темную палубу вывели нескольких мужчин и двух женщин. Одна из женщин одета в черный плащ с капюшоном, глубоко надвинутым на лицо.

— Настоятельно прошу вас, госпожа, — обратился Грейг по-итальянски к женщине, — не открывать лица и не говорить ни с кем до прибытия в назначенное место. Непослушание только ухудшит ваше положение.

Не дослушав адмирала, женщина молча направилась к борту.

Ее усадили в покойное кресло и спустили вниз — на яхту.

Адмирал почтительно помогал ей.

Дважды прозвенели куранты на Петропавловской крепости, когда яхта пристала к гранитным стенам.

В белой ночи на пристани темнела фигура в плаще и треуголке. Яхту встречал сам хозяин крепости — Андрей Григорьевич Чернышев, генерал-майор и санкт-петербургский обер-комендант.

Женщина в черном плаще молча глядела на гранитные стены и беспощадный золотой шпиль...

Арестованных быстро размещали по казематам Алексеевского рavelина. Захлопывались двери камер, лязгали засовы...

И в крепости наступила тишина. Будто ничего и не произошло.

Комендант Чернышев торжественно ввел женщину в просторное помещение, состоявшее из трех светлых и, главное, сухих комнаток, что было большой редкостью в крепости, постоянно затоплявшейся Невой. Сие была его гордость — помещение для особо важных преступников.

Женщина сбросила капюшон — и бешено сверкнули ее раскосые глаза.

— По какой причине осмелились арестовать меня? — яростно выкрикнула она по-итальянски.

26 мая 1775 года, ранним утром, в своем кабинете за бюро с медальоном императрицы князь Александр Михайлович Голицын писал донесение:

«Всемиловитейшая государыня! Известная женщина и свиты ее два поляка и слуги и одна служанка привезены и посажены сего дня в два часа поутру за караулом в приготовленные для них в Алексеевском равелине места под ответ обер-коменданта генерал-майора Андрея Чернышева...»

Прошло два с лишним года.

В ночь на 5 декабря 1777 года в Санкт-Петербурге стояли лютые морозы.

В Петропавловской крепости куранты уже пробили полночь, когда из Алексеевского равелина обер-комендант Чернышев и солдаты вынесли гроб.

Горели факелы. С трудом копали солдаты смерзшуюся землю.

— Копать веселее! — покрикивал комендант.

Все глубже, глубже яма.

Комендант осветил ее факелом, удовлетворенно кивнул.

Солдаты опустили гроб и торопливо забросали мерзлой землей.

На рассвете 5 декабря пошел густой снег. Мело, мело по мерзлой земле.

Из рапорта Санкт-Петербургского обер-коменданта генерал-майора Андрея Чернышева:

«...Означенная женщина волею Божьей умре... А пятого числа в том же Алексеевском равелине той же командой, при ней в карауле состоявшей, была похоронена. По объявлении присяги о строжайшем сохранении сей тайны...»

Снежная метель разыгралась над Петербургом. Все потонуло в этой метели: дворцы, крепость. И могила.

И к утру не осталось никаких следов — только белое поле у Алексеевского равелина.

Я не поручил бы ему ни жены,
ни дочери, но я мог бы совершить
с ним великие дела...

Граф Федор Головкин

Действующие лица: «Орлов со шрамом»

ПОРТРЕТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ

Прошло ровно тридцать лет.
5 декабря 1807 года.

В Москве, во дворце графа Алексея Григорьевича Орлова в Нескучном, всегда в воскресенье, ждали песельников да плясунов.

По бесконечной анфиладе дворца движется согнутая фигура — чудовищная огромная гнутая спина в шитом золотом камзоле. Тяжелый стук медленных старческих шагов...

Золотая спина шествует мимо портрета в великолепной раме.

На портрете изображен молодой красавец, увешанный орденами, в Андреевской ленте через плечо, на фоне горящих кораблей. Это сам хозя-

ин дворца граф Алексей Григорьевич Орлов-Чесменский в молодые годы. Герой, победитель турок в морском сражении в Чесменской бухте, где перестал существовать турецкий флот.

Горят, горят корабли на портрете...

Именно тогда, в 1770 году, французский посол докладывал из Петербурга: «Алексей Орлов — глава партии, возведшей на престол Екатерину. Его брат Григорий — любовник императрицы, он очень красивый мужчина, но, по слухам, простодушен и глуп... Алексей Орлов сейчас самое важное лицо в России. Екатерина его почитает, боится и любит. В нем можно видеть подлинного властелина России».

Тяжелый стук медленных старческих шагов по анфиладе дворца...

Но это все в прошлом. Нынче графу за семьдесят — и он мирно доживает свой век в Москве, вот уж который год изумляя Первопрестольную безудержным, буйным разгулом...

На Масленой граф со свитой — непремный зритель кулачных боев между воспитанниками Славяно-греческой академии и университетскими...

С превеликим удовольствием наблюдает Его сиятельство, как с дикими криками, гиканьем сходятся молодые парни в кулачном бою на ледяных горах у кремлевской стены. (Горы заливали на месте нынешнего Александровского сада.)

Когда граф был помоложе, то и сам участвовал...

Ох, как страшились дерущиеся, когда в толпе страшно возникала исполинская фигура! И яростно бросалась в общую потасовку.

«В воскресенье, перед дворцом в Нескучном, граф неизменно устраивает бега своих знаменитых рысаков...»

И мчатся по снежной дороге дивные кони... И пляшут перед дворцом столь любимые Его сиятельством скоморохи да песельники... Потешные драки в снегу между шутами и скоморохами непременно сопровождаются милостивым старческим смехом. «Изволили смеяться...»

Как справедливо сказал о графе поэт: «Дыша всем русским, он до страсти любил отечественные развлечения...»

И сегодня, в солнечный морозный день, в доме графа, как всегда, готови-

лись к веселью — ждали троек со скоморохами и цыганами. И граф тоже готовился...

Все ближе тяжелые шаги по роскошной анфиладе. Испуганные лица лакеев.

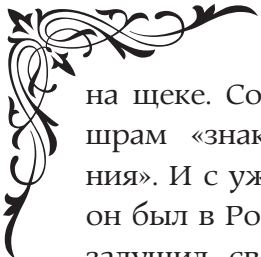
Громадная согнутая спина в золотом камзоле повернулась — и на фоне портрета молодого красавца возникло изборожденное морщинами, обрюзгшее лицо старика в парике. Слуга в дверях дрожащими руками аккуратно положил кисточкой пудру на его парик.

И старый граф продолжал свое шествие по анфиладе.

В последнее время у графа Алексея Григорьевича появились большие странности: он стал часто заговариваться и еще развилась в нем необыкновенная тяга к щегольству. Теперь каждое утро граф шел через бесконечную анфиладу, и лакеи кисточками накладывали определенные его сиятельством порции пудры на парик. Ох, не дай им Бог ошибиться! Граф сам исчислил количество комнат, которое ему надлежит пройти, чтобы парик приобрел должный вид.

Двигается согнутая фигура... И в дверях каждой следующей комнаты дрожащий лакей украшает пудрой графский парик. И крестится, когда граф проходит мимо...

Старик миновал последнего лакея и очутился в сверкавшей зале: бесчисленные зеркала в холодном зимнем солнце беспощадно повторяли морщинистое лицо графа и страшный шрам

на щеке. Современники называли этот шрам «знаком предсмертного отчаяния». И с ужасом уверяли, что получен он был в Ропшинском дворце, где граф задушил свергнутого императора Петра Третьего. Но иные утверждали, что сей шрам попросту заслужен графом в пьяной драке. Так или иначе, но, отличая его от остальных четырех братьев Орловых, Алексея Григорьевича прозвали «Орлов со шрамом».

Усмехаясь, старик оглядывал себя в зеркалах — он доволен.

— Отменно... Не стыдно будет на балу сегодня, — обращается он к крохотному старичку в мундире, с Чесменской медалью.

Тридцать восемь лет назад сержант Изотов закрыл грудью графа от турецкой пули в знаменитом Чесменском бою. И теперь доживает век в его доме, являясь нынче основным собеседником того, кто именовался когда-то «властином России».

— Когда цыгане с плясунами да пельменниками придут — пустить их на бал. Она веселье любила, — радостно приказал граф.

— Да какой же нынче бал, Ваше сиятельство? Никакого бала у нас нет, — удивился старый слуга.

— Ан есть, — с торжеством ответил граф. — Пятое число сегодня — ее день... Схоронили ее... В этот день она ко мне на бал каждый год приходит. И сегодня жду... Любила балы. Как же она любила балы! Непременно пожалует.

— Да что ж вы, Ваше сиятельство... Алексей Григорьевич? — прошептал старый сержант.

Граф посмотрел на испуганного старика мутными глазами. На мгновение сознание вернулось к нему.

— Подать мое яблоко, сержант, — приказал он весело.

Старый сержант заулыбался: он любил эту молодецкую шутку. Он достал из кармана заготовленное яблоко. Граф взял яблоко и легко раздавил его двумя пальцами. И счастливо засмеялся.

— Что яблоко! Говорят, вы быка одним ударом прихлопнуть могли, — подобострастно сказал Изотов.

— Да что быка! Я государя императора Петра Федоровича одним ударом... — И бешеные глаза человека со шрамом взглянули на несчастного сержанта. Тот только перекрестился.

И вновь глаза графа помутнели.

— Что же мы тут... гости никак пожаловали? — И граф торопливо пошел к высоким дверям залы.

Он широко распахнул двери и склонился в низком поклоне:

— Матушка государыня к холопу своему... А мы как раз про мужа твоего убиенного... да про «известную женщину» толкуем...

Граф не договорил и вновь склонился в поклоне:

— А вот и консул английский сэра Дика с распрекрасной супругой своей... много способствовал сей англичанин в поимке «известной женщины»... А вот и адмирал Грейг... большие заслуги и у него в этом деле были.

Граф стоял один в пустой зале и бесконечно церемонно раскланивался с пустотой, встречая ушедшую эпоху. А сзади полумертвый от страха Изотов только приговаривал:

— Ваше сиятельство... Ваше сиятельство...

Но граф не слышал. Он видел, как в залу вошла она. Как тогда, на корабле, на ней был длинный черный плащ с капюшоном, надвинутым на лицо...

Граф захрипел и упал навзничь на драгоценный паркет.

К дворцу уже подлетали тройки. С визгом и хохотом соскакивали цыгане, удалые скоморохи да плясуны. Обезумевшие люди графа бестолково носились перед домом, разгоняя приехавших.

Граф умирал. Умирал тяжело, в муках. Речь отказала — он хрипел. И глаза его наполнялись слезами. Он лежал на огромной кровати, под потолком, украшенным плафоном «Триумф Минервы»: аллегория триумфа императрицы Екатерины Второй в войне с турками.

На стене висел парадный портрет императрицы: Екатерина со скипетром и короной.

На столике у кровати лежал золотой медальон в форме сердца, осыпанный бриллиантами. Медальон был раскрыт, и внутри него улыбалась все та же императрица.

Только трое во всей России имели право носить такой медальон. Два фаворита императрицы — Григорий Орлов и Григорий Потемкин. И он... Но сейчас этого никто не помнил, и никого это не интересовало. И старый медальон пылился на столе, и старый человек, окруженный императрицами, умирал в постели.

Иногда он забывался. И в забытьи слышал собственный голос. И видел лицо деда, так напоминающее чье-то лицо.

— Чье лицо? — прошептал он.

И понял: его лицо... лицо старика, умирающего сейчас в постели.

— Не всегда был я старый, внучек, — говорил дед, — молодой был, да отважный, да заботливый. И за то прозвали меня товарищи Орлом. А Петр Алексеевич только Россией начал править. И мы — стрельцы — великий бунт против него учинили. Велено нам было голову сложить на плахе.

Он видел...

...как поднимался его дед на плаху... как под ноги деду покатились отрубленная голова казненного стрельца. И, с усмешкой взглянув на усталого палача, уже поджидавшего его с топором, дед, как мячик, откинул ногой отрубленную голову. И, засмеявшись, положил свою — под топор, на плаху.

— Увидел царь — и понравилось ему бесстрашное озорство мое, — слышал он голос деда. — И помиловал он меня. Помни, внучек: до конца имей надежду и смерти не бойся.

— Смерти не бойся, — беззвучно шептали губы старого графа.

Около постели графа сидела Анна, любимая, единственная дочь графа. Ее мать умерла сразу после ее рождения. Сейчас Анне исполнилось двадцать лет.

Анна всматривалась в изуродованное страданием лицо графа. В глазах старика стояли слезы. Он о чем-то просил, что-то хотел сказать. Но она не могла его понять и только умоляюще шептала:

— Что прикажете, папенька?
— Сына просят, — сказал сзади Изотов, — за сыном велят послать.

Старик умоляюще кивнул.

— Пошлите за Александром, — сказала дочь и заплакала.

И опять граф впал в беспамятство. И опять он видел деда своего — старого Орла.

Они стояли перед дедом в ряд, пять красавцев гвардейцев, пять родных братьев.

— Пять братьев вас, пять Орлов... Ты, Гришка, самый красивый, — подмигнул дед Григорию. — Но зато ты, Алешка... — И дед глянул на Алексея. — А ну, покажи нам...

Привели быка. Черный, огромный, бык неподвижно стоял перед братьями. Алексей подошел к быку. Сжал путовый кулак. И одним страшным, быстрым движением ударил быка меж рогами... Качнулся бык. Рухнул как подкошенный. Крик восторга вырвался у братьев.

— Да, ты самый сильный, — шептал дед, — но ты и самый буйный, осторожки в тебе нет. Но на то, внуки, даден вам брат Иван. — И он ткнул в старшего брата. — Он самый хитрый, и он отца вам вместо. А Владимир да Федор — младшие, всем вам преданы. Одна душа и одна голова... Покуда вместе будете, никому вас не сломить!

Императрица на потолке улыбалась.

— Сломил... — слышал свой голос умирающий граф, — одна ты нас всех сломила.

И он увидел императрицу совсем молодой великой княгиней на том балу.

— Тогда все ночи танцевали, — усмехнулся старик, — Елизавета села на трон после переворота... Был он ночью устроен... И теперь по ночам боялась спать. И Петербург танцевал, танцевал до утра. Бал... бал...

Они стояли в дворцовом зале — Григорий и Алексей, два красавца — высоченные, в блестящих гвардейских мундирах.

— Ох и хороша великая княгиня. Ей-ей, хороша! — шептал Григорий.

Екатерина, танцуя, вдруг обернулась.

— Отметила! — зашептал Григорий и совсем приник к уху брата: — Загадал, коли сейчас еще обернется... Ну, обернись, душа ты моя!

И опять, танцуя, Екатерина мельком взглянула на братьев. И улыбнулась.

— Моя будет, — прошептал Григорий.

— Да ты в своем уме? — лукаво взглянул на брата Алексей. И восхищенно добавил: — Ох, Гришка! Ну враг! Суций враг!

Торжественно раскрылись парадные двери. Вошла высокая, полная, немолодая дама в роскошном платье.

— Императрица... Елизавета Петровна... — несло по зале.

— Модница была... не нашивала одно платье два раза. После смерти остались в ее гардеробе пятнадцать тысяч платьев... — шептал старик.

За императрицей следовал тоже высокий, тоже дородный и тоже немолодой господин: граф Алексей Григорьевич Разумовский — фаворит и, как утверждала молва, тайный муж Елизаветы.

— Вот он, ночной император, — шептал Григорий Орлов брату. — А ведь

простым певчим был, грамоты не знал... В хоре его увидела да и влюбилась без памяти. Попал в случай...

За Алексеем Разумовским важно вышагивал господин помоложе, столь же высокий и величественный — граф Кирилл Григорьевич Разумовский, родной брат Алексея, гетман Малороссии.

— А ведь недавно этот гетман свиней пас, — шептал Григорий. — Сам мне рассказывал: когда Алексей фаворитом стал, послал за ним офицера.

А Кирилл решил, что его в солдаты хотят упечь... Со страху на дерево залез и три дня там просидел. С голодухи только слез. А теперь — вон они! Что случай делает! — И добавил лукаво: — А ведь они тоже братья и на нас с тобой похожие — такие же здоровенные... Только мы красивее да умнее.

И опять Екатерина, танцующая, взглянула на братьев...

Потом старик увидел Москву, зиму... Бежали сани. В санях они: Григорий и Алексей — молодые, в распахнутых шубах... Проезжали мимо белых колонн дворца на Покровке...

— Тпру! — закричал Григорий. И остановились сани.

Вот он, дворец графа Алексея Григорьевича Разумовского. В переулке на холме за дворцом виднелась церковь.

— Церковь Воскресения в Барашихах, — усмехался Григорий. — Здесь он тайно повенчался с императрицей... А может, и нас с Катериной когданибудь повенчают, да не тайно!

Алексей усталился на брата.

— Моя она, — усмехнулся Григорий, — любит меня без памяти... все сделает, как я скажу...

— Ох, Гришка, — любуясь братом, сказал Алексей. — Ей-ей, суший враг!

Екатерина, прекрасная, молодая, танцует с Григорием. И открытое безумное женское счастье на ее лице...

Умирающий старик глядел на императрицу на потолке и шептал беззвучными губами:

— Ах, эти гордые твои фавориты, они всегда думали, что они выбрали тебя, а это ты их выбирала. Счастливая, ты всегда любила тех, кто был тебе нужен. Нас было пятеро братьев... удалыцкутилы, любимцы гвардии... И ты взяла Григория и взяла тем нас всех... и всю гвардию. Ты знала: скоро... скоро умрет Елизавета. И тогда муженек, тебя ненавидевший, упечет тебя в монастырь да и женится на любовнице. И ты готовилась... Екатерина Великая... Екатерина Предусмотрительная.

Граф застонал. Изотов и Анна перевернули его на другой бок.

Теперь он видел гроб. В гробу лежала императрица Елизавета. Молодая Екатерина стояла на коленях у гроба, и слезы лились по ее лицу...

— Ты всегда умела плакать, когда хотела, — шептал старик императрице на потолке.

Гвардейцы стеной окружали гроб.

— Ишь как убивается, — сказал Иван Орлов.

— А император, муженек ее, в это время бражничает со своими немцами да с любовницей горбатой, — усмехался Григорий Орлов в другом конце зала.